

шОМТДА

А.С.Черняев

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ: БРЕЖНЕВ – ГОРБАЧЕВ (II)¹

Ключевые слова: Брежнев, Горбачев, эпоха, экономика, идеология, перестройка

III

¹ Окончание.
Начало см. Полития.
2012. № 2.
С. 60–88.

Об *экономическом положении страны* при Брежневе написано очень много. Воспроизводить здесь всю панораму исследований и оценок нет надобности. А давать свой, как бы обобщенный анализ было бы с моей стороны слишком самонадеянно. Думаю, что интересней будут некоторые «картинки» из тех времен, которые я видел воочию с близкого расстояния.

Я дам слово тем, с кем по доступности тогда закрытых материалов, по компетентности и близости к высшей власти, которая им доверилась, не сравнится ни один более поздний аналитик, даже целые институты, не говоря уж о дилетантах — апологетах брежневщины.

Экономика, после неожиданного взлета в восьмой пятилетке, снова начала деградировать. Умные и циничные хозяйственники во главе с председателем Госплана Байбаковым уже тогда понимали, что никакие постановления, призывы, взыскания и награждения ничего поправить не могут. Корень — в другом, глубже.

Это начали ощущать, если и не понимать, в тогдашней «элите». Но даже такие люди, как Иноземцев и Арбатов, ничего не могли предложить, кроме паллиативов, которые не выводили за пределы уже забуксовавшей системы.

Материальный уровень жизни основной массы городского населения был терпимый, хотя все помнили, что как раз к этому времени Никита обещал завершить «первую фазу коммунизма».

По мере того как обнаруживалась невозможность реализовать задачи, поставленные XXIV съездом КПСС (1971 г.), выявлялся и *инерционный* характер существования Советского Союза.

Депрессия... но не та, которая свойственна цикличности, обновляющей капиталистическую экономику. Это было начало стагнации и необратимого упадка. Будучи государственной и опираясь на партийную дисциплину, на карьеризм номенклатуры, на различного рода страхи и фобии, советская экономика могла существовать, но уже не могла развиваться.

Показательны в этом смысле пленумы ЦК, где более или менее откровенно говорилось о состоянии экономики.

Вот декабрьский пленум 1973 г.

Выступил Брежнев: «План не выполнен по энергетике, металлу, химии, легкой промышленности и т.д. На 74 год намечен предельно напряженный план, иначе горит пятилетка. И либо мы должны выйти к народу и сказать — извините, мол, не получается, либо мобилизовать все силы, кровь из носу, но добиться выполнения плана. Большевики всегда избирали второй путь» (то есть путь штурмовщины, который все заметнее отторгался народом).

Брежнев сказал потом Арбатову: «Все успехи этого года были за счет политических средств» (использование студентов, армии, горожан на уборке, «соцсоревнование», награды, ордена и т.п.).

Председатель Госплана Байбаков заявил, что если составлять перспективный план на 15 лет из заявок министерств и ведомств, то реальный доход населения будет расти на 2% в год. Это меньше, чем ежегодно в предыдущие 15 лет.

И продолжал: «60—70 миллионов тонн металла у нас во время переработки идет в отходы. По тоннажу мы производим столько же, сколько США, Япония и ФРГ вместе взятые, а по числу сделанных из добытого металла станков и по их производительности далеко отстаем от каждой из них. Финляндия вывозит древесины в 10 раз меньше, чем мы, а выручает валюты в два раза больше. Это потому, что от нас она уходит в необработанном виде. Из одного кубометра древесины мы на три четверти производим продукции меньше, чем в капиталистических странах.

Наши авиа- и автодвигатели обладают гораздо меньшим моторесурсом, чем на Западе.

Договорились с ФРГ построить им на компенсационной основе газопровод, но вовремя не сделали, и нам предъявили иск в 55 тысяч долларов за каждый просроченный день.

На складах скопилось на 2 миллиарда рублей неходовых товаров, то есть таких, от которых отвернулся покупатель. Это почти равно сумме капиталовложений во всю легкую промышленность на остаток пятилетки.

Проект строительства КАМАЗа был оценен в 1 миллиард 700 миллионов рублей. Теперь выяснилось, что потребуется еще два с половиной миллиарда, а потом, может быть, и больше.

В 1955 г. задумали строить в городе Салават завод полированного стекла. Проект был готов к 1962 г. Но в 1961 г. англичане предложили нам лицензию на завод с иной технологией. Мы купили лицензию, по которой работают уже три завода и дают великолепное стекло. Между тем салаватский завод продолжал строиться. В 1972 г. был закончен, но выяснилось, что установленное оборудование стекло не полирует, а ломает. Все оно было пущено на переплавку.

В Курске построили трикотажную фабрику на иностранном оборудовании для особо дефицитного трикотажа. Но она работает в поло-

вину мощности: не хватает рабочей силы. Оказывается, при проектировании фабрики забыли о жилье.

Огромное количество собранного в этом году зерна оставили хранить в буртах под открытым небом. Сгнило. В миллионах рублей исчисляются потери зерна, цемента, овощей, фруктов и др. из-за отсутствия тары и несвоевременной подачи транспорта.

Вкладываем большие суммы в производство мощнейших тракторов К-700 и Т-150, а навесных орудий к ним не делают. И используются они лишь на 50% своих возможностей. Вбухиваем несметные деньги в производство хлопка, но текстильное, швейное, красильное хозяйство настолько устарело, что конечная продукция ложится мертвым грузом в магазинах».

И т.д. и т.п.

Запланировали превышение группы Б (производство потребительских товаров) над группой А (производство средств производства). Но с 1971 г. по-прежнему происходит изменение соотношения в пользу группы А (потому что в нее входит военная промышленность). Планы по выпуску товаров народного потребления систематически не выполняются.

Брежнев признал, что мы не можем преодолеть положение, когда предприятиям выгодно обманывать государство, и объяснение этому есть: на стороне количественных показателей и план, и премии, и традиция, и контроль инстанций. Не мудрено, что в схватке с качеством количество всегда побеждает. Ибо на стороне качества — одни только призывы и «умные» статьи в газетах.

Критический настрой выступления Генсека подтолкнул большинство выступивших в прениях вываливать десятки подобных фактов.

На Политбюро обсуждался проект торгово-экономического соглашения с США.

Подгорный первый взял слово. Неприлично нам, мол, ввязываться в эти сделки с газом, нефтепроводом. Будто мы Сибирь всю собираемся распродавать, да и технически выглядим беспомощно. Что мы сами, что ли, не можем все это сделать, без иностранного капитала?!

Брежнев пригласил Байбакова объясниться. Тот спокойно подошел к микрофону, едва сдерживая ироническую улыбку. И стал говорить, оперируя на память десятками цифр, подсчетами, сравнениями.

«Нам нечем торговать за валюту, — сказал он. — Только лес и целлюлоза. К тому же продаем с большим убытком. Ехать на продаже золота мы тоже не можем. Да и опасно в нынешней валютной ситуации.

Американцев, японцев, да и других, интересуется у нас нефть, еще лучше — газ. Импорт будет у них расти, причем они предпочитают получать сжиженный газ. И предлагают: а) построить газопровод из Тюмени до Мурманска, а там — газосжижающий завод, и на корабли; б) построить газопровод из Вилюя через Якутск в Магадан.

Нам выгоднее последнее. Через 7 лет окупится. Все оборудование для строительства и эксплуатации ихнее».

«Если мы откажемся, — продолжал Байбаков, — мы не сможем даже подступиться к Вилуйским запасам в течение по крайней мере 30 лет.

Технически мы в состоянии сами проложить газопровод. Но у нас нет металла ни для труб, ни для машин, ни для оборудования.

Сахалин. Японцы предлагают организовать здесь добычу нефти со дна океана. Но у нас для этого нет установок. Одна, голландская, работает на Каспии».

Подгорный: «Да там же на Сахалине ветры дуют, все постройки снесут».

Байбаков с ухмылкой: «Николай Викторович, Сахалин большой, на севере дуют ветры, на юге — не дуют. А потом, это у японцев пусть голова болит насчет ветра, но они почему-то его не боятся».

Брежнев гневно: «Ссылаются здесь на погоду прошлого года. Но это правильно для сельского хозяйства. А в промышленности — ссылка на погоду... Как вам не стыдно, товарищ Казанец (*министр металлургии*)... хвалитесь, что выплавляете больше США... А качество металла? А то, что из каждой тонны только 40% выходит в продукцию, остальное — в шлак и в стружку?!

Капитальное строительство. Незавершенные стройки. Старая болезнь. Мы прикинули: на каждую из 270 тысяч строек приходится по... 12 рабочих. Если же, скажем, на Камазе — 70 тысяч, то получается — на сотнях, тысячах строек вообще нет рабочих!

Ссылаются на поставщиков. Но посмотрим на факты. Товарищ Тарасов (*министр легкой промышленности*), у вас на складах миллионы пар обуви валяются. Их уже никто никогда не купит, потому что фасоны лапотные. А ведь на них ушло сырье, которого, как вы говорите, вообще мало. Так ведь можно скупить все заграничное сырье и пустить его под нож... Людям нужны не деньги, а товары. И только имея товары продаваемые (!), мы можем вернуть деньги, чтобы строить дома и т.п.

А как мы работаем? Был я в августе в Барнауле на новом шинном заводе. Спрашиваю у рабочих: вот вы имеете все современное оборудование, наше и заграничное, вы должны выпускать 9 тысяч шин в день, а выпускаете 5 тысяч. Отвечают: министр Федоров дал нам 30 месяцев до выхода на полную мощность. Хорошо! На днях получаю сводку: этот Барнаульский завод уже в ноябре выпустил 9 тысяч шин — проектную производительность. То есть „приняли меры“ после моего разговора. Итак: 30 месяцев и 3 месяца! ...Что же это такое? Лень, безответственность, головотяпство, преступление?!»

(Спустя 40 лет к такому «ручному управлению» прибегнул Путин. Причина та же: механизм экономики сам, на «автопилоте» не работает.)

«Мы не выполняем главного в постановлении XXIV съезда — подъема производительности, эффективности, — продолжал Генсек. —

Весь съезд и вы, присутствующие здесь, сидели и хлопали, когда говорилось о новой задаче — одновременного движения по основным направлениям экономического развития (*и подъем благосостояния, и рост производительности, и оборона*). А что же получается? Мы же этого поворота не совершили, два года уже прошло после съезда, половина пятилетки! А нам вот товарищ Байбаков докладывает, что план 1972 г. не выполнили, в 1973 г. тоже не выполним, а потом вообще неизвестно что. Госплана как организации, определяющей стратегическую перспективу и строго контролирующей ход нашей экономики, у нас нет!»

Характерна реакция на эту речь. Выходим толпой из Свердловского зала (там всегда проходят пленумы), рядом оказался Бородин (директор ЗИЛа), один из боссов нашей индустрии. Арбатов спрашивает у него: «Ну как?». «Да, красиво, — отвечает. — Это вы, наверное, подпустили там красот и убедительности, писатели вы хорошие. Но только мы все это слышали уже не раз. От раза к разу речи все красивее, а дела все хуже и хуже». И это все сказано вслух, в толпе членов ЦК, которые даже не оглянулись, погруженные, видимо, в те же мысли.

Иноземцев после участия в подготовке на даче в Волынском доклада Брежнева к XXV съезду КПСС вынес убеждение: «Ничего не будет. Генеральный принимает аргументы, соглашается с предложениями, возмущается сам и т.д., но смотришь на него и видишь: ничего не будет сделано. Не раз мы с Арбатовым говорили ему, что ничего практически не делается. Аппарат и Совмин все заблокировали. И опять — хорошие слова и резкая критика лишь на мгновение вызвали колебания воздуха». «Генеральный это знает... но ничего не изменится», — заключил академик, директор самого компетентного академического института.

В то же время почти каждый день газеты печатают, а радио и телевидение передают письма Брежневу или его приветствия по случаю ввода в строй какого-нибудь завода, электростанции, стройки, того или иного почина или победы в соцсоревновании. И почти каждый день Брежнев приветствует какой-нибудь коллектив, какое-нибудь собрание, а они, естественно, под «огромным впечатлением» от этих приветствий принимают ответные послания. Не проходит недели, чтобы не появлялось новых Героев Соцтруда.

Между тем накануне очередного пленума Андропов доложил Брежневу, что в Перми (миллионный город с военной промышленностью) мясо дают по талонам один раз в неделю — в пятницу, и не в магазинах, а распределяют по предприятиям.

Бовин вместе с Арбатовым, Иноземцевым, Цукановым, Сухаревским и еще кем-то два месяца в Волынском-2 готовили Брежневу доклад. Сочинили 42 страницы «красивого» текста на основе изучения вороха всевозможных закрытых материалов. Велено было свести к 5—8 страницам.

Суть Бовин изложил мне так, ссылаясь на факты, которые потом привел на пленуме Рябов (первый секретарь Свердловского обкома):

в 1968 г. заложили трубопрокатный цех в Свердловске, в 1970 г. стройку заморозили, в этом же году заложили такой же цех в Челябинске, в 1972 г. заморозили. В 1974 г. выяснилось, что, несмотря на импорт, труб не хватает. Но вместо того чтобы разморозить стройки (впрочем, к тому времени уже заржавевшие), заложили новый цех в другом городе.

Так работала ультраплановая экономика.

Брежнев слушали вяло. Все уже привыкли. Знали, что ничего не будет и что даже на закрытом пленуме не осмелятся на какую-нибудь крутую акцию, так как она может выглядеть скандально и очернить «новые грандиозные успехи».

Идет подготовка XXV съезда КПСС. Гостев (первый заместитель планово-финансового отдела ЦК) за главного. В Волынском среди спичрайтеров Арбатов, Иноземцев, я и еще несколько аппаратчиков из промышленного и сельскохозяйственного отделов. Печальная картина. Сначала долго спорили, от чего считать успехи пятилетки. Казалось бы, естественно — от Директив XXIV съезда. Но тогда вопиющее невыполнение по всем параметрам скрыть будет никак невозможно. Если же — от Закона о пятилетнем плане, то картина будет еще хуже, так как закон был принят несколько позже и с нажимом на интенсификацию показателей. Оставалось одно — считать от суммы годовых планов, каждый из которых занижался и потому с грехом пополам выполнялся. Точка отсчета, конечно, совершенно нелепая и лживая.

Брежнев, когда ему докладывают о дискуссиях в нашей группе, ворчит, относит все к косыгинским выдумкам: директивы всякие и прочее... «Ведь успехи-то есть! Все выросло, все увеличивается, всего больше становится. Чего еще нужно? Зачем ковыряться во всяких „методиках“?!»

Однажды при зачитывании ему проекта его доклада, где было сказано, что пришлось опять закупить зерно за границей, Брежнев велел это место выбросить. Стали доказывать: мол, все знают и могут сказать... «Пока мы живы, — возразил Генсек, — никто ничего не скажет. А умрем, тогда пусть говорят!» (Между тем заготовки зерна составляли 50 млн. тонн, 30 млн. было решено купить за границей, 24 уже закупили... И действительно — «никто ничего не сказал».)

Бовин сетовал: «Если с превращением провалов и отставания в новые исторические успехи мы, спичрайтеры, как-нибудь еще справимся, то с определением перспективы вообще неизвестно что делать — так все запутано, так все неопределенно, в смысле возможностей и ресурсов... Следовательно, десятая пятилетка тоже будет составлена на глазок, с потолка. И потом: какова главная идея новой пятилетки? На XXIV съезде очень красиво арбатовским пером было сказано, что в основе девятой пятилетки должен быть рост благосостояния народа, что темпы Б должны быть отныне выше темпов А, что теперь мы достигли такого уровня, когда можем одновременно решать и проблемы накопления, и проблемы потребления, что девятая пятилетка — это пятилетка качества, производительности труда, соединения социализма с НТР.

Так вот: по всем этим параметрам никаких сдвигов и достижений с момента съезда нет. Какая же новая идея должна быть заложена в новую пятилетку? Опять пятилетка качества? Но ведь и о девятой то же самое говорилось — и на XXIV съезде, и на всех пленумах ЦК между съездами, и во всей пропаганде. Во всех текущих постановлениях ЦК по экономическим вопросам об этом только и твердили. Что придумать в такой ситуации, абсолютно неясно».

Брежнев тогда еще сориентировал экономику на Тюмень, уже стал готовить страну «сесть на иглу». Весь прирост нефти, газа в стране шел за счет Тюмени. «Не пожалели средств и сил» (слова Брежнева), а в легкую промышленность не дали того, что обещали, даже приблизительно.

На партконференции аппарата ЦК (апрель 1975 г.) тоже прозвучали любопытные вещи. Особенно из уст Гостева, желчного и умного прагматика. 95% предприятий не выпускает никакой продукции высшего качества, 2/3 министерств не выполнили план. Пришлось перевести в распродажу (из-за низкого качества и старомодности) на 2 млрд. продукции ширпотреба, но она все равно осталась на полках. Секретарь партбюро из Комитета партийного контроля навалом приводил факты о коррупции на всех уровнях — от облисполкомов и республиканских министерств до журналистов и хозяйственников. Оказывается, Насреддинову, долгие годы бывшую председателем Совета Национальностей СССР, сняли, а потом и вывели из ЦК за невероятные аферы с дачами, домами, шубами и машинами. Свадьба ее дочери обошлась государству чуть ли не в миллион рублей.

На Новый год моя секретарша ездила в Кострому на свадьбу какой-то родственницы. Спрашиваю:

- Как там?
- Плохо.
- Что так?
- В магазинах ничего нет.
- Как нет?

— Так вот. Ржавая селедка. Консервы «борщ», «щи» знаете? У нас в Москве они годами на полках валяются. Там тоже их никто не берет. Никаких колбас, вообще ничего мясного. Когда мясо появляется — давка. Сыр — только костромской, но, говорят, не тот, что в Москве. У мужа там много родных и знакомых. За неделю мы обошли несколько домов и везде нас угощали солеными огурцами, квашеной капустой и грибами, то есть тем, что летом запасли на огородах и в лесу. Как они там живут!?

Запись в дневнике (апрель 1976 г.): «Вчера утром пошел в молочную и булочную. Народу!.. Ворчание-симфония толпы: мол, вот, нет порядка, не могут организовать дело, две бабы на столько народа и не торгуют, а ящики перетаскивают да коробки вскрывают... Выходной день, а тут стой в очереди... и продуктов никаких нет... о твороге уж за-

были, как он пахнет и т.д. и т.п. И вдруг над всеми грубый голос мужика лет сорока:

— А что вы хотите! У нас система такая. Эти бабы (продащицы) не виноваты. Виноваты те, кто за зеленым забором икру жрет. У них там и творог есть. А у нас в стране хозяина нет. Хозяин только и делает, что о светлом будущем коммунизма выступает, а с каждым годом все хуже и хуже. Так и будет, пока хозяина настоящего нет.

Никто не удивился, не возмутился. Это, видимо, привычное дело — такие речи в магазинах. Толпа в основном поддакивала и благожелательно комментировала, в том числе молодой милиционер, стоявший в очереди за молоком. А я, извиняюсь, член одной из самых важных инстанций КПСС, стоял и помалкивал. Да и что мог сказать, когда у рядом стоящих „факты на прилавках“.

В булочной бабы передрались из-за куличей, а когда в проеме полок раздался голос: „Больше нет, все! И не будет!“, поднялся такой гвалт, что я опрометью выскочил за дверь».

Судя по всему, для тогдашней верхней части элиты (в основном это члены ЦК), для тех ее представителей, кто еще умел думать и не растерял совесть, было ясно, что экономика безнадежно разваливается, что инерция развития иссякает. Но попытки таких ученых, советников и спичрайтеров, как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Шишлин, Гостев, что-то придумать разбивались о *принципиальное* нежелание Генсека и К° что-либо существенно менять.

Брежнев не собирался целенаправленно *развивать* экономику. Полагался на автоматизм марксистско-сталинской хозяйственной системы, которого в ней не было и не могло быть. Она шла по ухабистой наклонной, постепенно заваливаясь.

А определяющая роль государства (= партии) — это план сверху донизу, до мельчайших деталей, который не мог (и никогда этого не достигал) предусмотреть все потребности даже в секторе А и был обречен на неэффективность и демагогию в политике и идеологии.

Понукание, подгоняловка, награды, поощрения, ордена, звания, переходящие знамена, приветствия и поздравления Генерального секретаря, наказания, снятия с должности, угрозы «положишь партбилет» и т.п. — весь этот маскарад оказывал какое-то воздействие на производство, но с годами все меньше. Экономика помаленьку затухала, но на «оборону» деньги шли непомерные, несмотря ни на что. Она была главным орудием сохранения империи вовне и имперско-советского духа в народном сознании. Действовала, прямо по Оруэллу, большая ложь.

Правда, согласно Ницше, отказаться от ложных суждений, от ложных идеологий, от ошибочных позиций, от ложной политики — значит отказаться от жизни². Но правильно и то, что сформулировал первый президент Чехословакии Томаш Масарик, он же крупный ученый, философ, историк: «Великое не может быть великим, если оно

² «...Если ложь и ложные суждения являются основным условием человеческого существования, если они способствуют сохранению, даже развитию жизни, то не правы ли были мудрецы, которые, как Великий Инквизитор у Достоевского, выдавали... ложь за истину? И не благоразумнее ли всего было бы оставаться при традициях... и не допытываться того, что есть истина?..» (Шестов Л.И. 2001. Достоевский и Ницше // Шестов Л.И. Философия трагедии. — М., Харьков. С. 278—279).

лживо». Впрочем, ложь бывает разная: в нашем случае была сталинская, была брежневская и ельцинская, теперь есть ложь путинская, которая оболгала перестройку, пытавшуюся как раз избавить страну от самообмана и обманывания других себе во вред.

Если мы посмотрим первые (после прихода к власти) выступления Горбачева и материалы первых обсуждений унаследованного положения, то увидим ту же самую картину. Знаменитая брежневская «стабильность» привела к застою. Был порыв — с идеей специального пленума в 1974 г. — по «ускорению» развития на основе «научно-технической революции». Он из кабинетов так и не вышел, и горы подготовленных в ведомствах и в научных институтах разработок легли в архивы.

Но Горбачев пришел как раз для того, чтобы покончить со «стабильностью» и начать движение. И поставил вопрос об экономической реформе. Проведена была — и не одна — очень откровенная дискуссия ученых, хозяйственников, партийных деятелей. Состоялся пленум ЦК по экономической реформе — правда, лишь летом 1987 г.

Вадим Андреевич Медведев, который стал уже секретарем ЦК, принял в этом самое активное участие. В своих книгах, написанных после распада СССР, он подробно рассказывает всю эту историю. И убежден до сих пор, что если бы Рыжков и его команда действовали в соответствии с духом и буквой решений этого пленума, то можно было бы не только избежать того кризиса, с которым столкнулась вскоре перестройка, но и постепенно перейти к рыночной экономике.

Я же уверен скорее в обратном. Та «медведевско-горбачевская» реформа (позволю себе так ее назвать) не посягала еще на основные принципы и устои советской экономики. Она давала некоторый выход энергии предпринимательства посредством частичных мер (кооперация, оптовая торговля средствами производства, самоокупаемость и «самостоятельность» предприятий, право на внешние связи, бóльшая свобода в кадровых вопросах, право индивидуальной трудовой деятельности и сбыта своей продукции и т.п.). Но принятые меры не меняли сути централизованного планирования и распределения. Более того, они оказались противопоставленными друг другу, результаты их сталкивались, создавая неразбериху в ценообразовании, в зарплате, в условиях труда... Впрочем, стоп: здесь я залезаю в сферу, где не очень компетентен, поэтому коснусь лишь того, что относится к теме этого очерка, — поведения Горбачева на одном из крутых перевалов перестройки.

Дело тут, думаю, не только в том, что советская экономика в принципе неререформируемый объект. Дело также и в том, как пытались ее исправить — именно исправить, а не «отменить».

В самом начале я ссылаюсь на замечание Прохорова — «не знали, чем заменить». Вот именно. 1990 год. Экономический кризис вполне явно вползал в перестройку («на полки магазинов»). Горбачев попросил

Шаталина, Явлинского и Петракова подготовить проект выхода из угрожавшего положения. Они представили приснопамятную программу «500 дней». Горбачеву она в основном понравилась. Но не понравилась Рыжкову и его правительству. Премьер и его заместитель академик Абалкин настаивали на своей программе. Включился Ельцин — на стороне Явлинского. Началась свалка между двумя правительствами — российским и союзным. Чтобы их разнять, Горбачев поручил группе во главе с академиком Аганбегяном объединить обе программы — шаталинскую и абалкинскую. Ничего не получилось. (Ельцин сравнил это с попыткой «оженить ужа и ежа».) Но и премьерская программа, которую продавили в Верховный Совет, не была вовремя утверждена.

Что сказать об этом эпизоде в свете рассматриваемой здесь темы?

Горбачев любит слово «выбор». Это вроде бы хорошо. Но бесконечно выбирать невозможно, особенно если в дальнем пути... Нельзя то и дело перегружать его дополнительными «выборами». Один полководец сказал: «Лучше плохой приказ, чем поиск идеального решения, когда сражение уже началось».

Получилось именно так. Можно было, конечно, ошибиться. Но уверен: если бы твердо взялись проводить программу «500 дней», было бы лучше для продвижения перестройки. При всех слабостях этого оригинального проекта, при всех его недостатках, он был конкретен в постановке задач и определении сроков, и он ясно обозначил цель — мы идем к рынку, и не к какому-то там с социалистическими оговорками, а к общепринятому, на протяжении веков демонстрировавшему свою неизбежность во многих странах.

А такие определенность и конкретность очень важны в политике, особенно в тактической ее составляющей. Они давали бы передышку перестройке, выигрывали бы для нее время.

«Перестроечная» общественность открыто требовала уволить Рыжкова. Ближайшие советники и помощники президента были того же мнения. Но Горбачев медлил — по соображениям человеческой жалости и товарищеского сочувствия... в ущерб интересам дела, во вред стране. (Рыжков, как известно, ушел по причине инфаркта.)

М.С. не раз говорил публично и на закрытых совещаниях: перестройка — это революция, и она требует соответствующих действий. Но сам он не рисковал так действовать в критические моменты.

Запугивания, к которым прибегали Рыжков и его команда, развязное идеологическое давление, исходившее из верхней части номенклатуры, сыграли свою роль в поведении Горбачева на этом важнейшем участке перестройки. Однако считаю, что и тем, и другим можно было бы пренебречь — и не только «в душе» (что — свидетельствую! — имело место), но и на практике, в политической воле.

Уверен: никакого взрыва со стороны русского народа не произошло бы (а это главное), как не случилось его и тогда, когда беловежская тройца великих посредственностей «распускала» созданную этим народом в веках «империю».

Будь принята и запущена конкретная экономическая программа, она бы не остановила развала Советского Союза. Он был макроисторически неизбежен. Но, может быть, не случилось бы ни путча, ни «бело-вежья», хотя в условиях дискредитации центральной власти и разгула свободы, трактуемой как «все позволено», России, по-видимому, пришлось бы пережить нечто подобное ельцинщине. Тем не менее Горбачеву, возможно, удалось бы продвинуть дальше и закрепить тверже свои гуманистические, демократические идеи, столь необходимые для будущего страны.

Таковы мои предположения. И все же не эти действия Горбачева были тем главным, что сорвало перестройку.

Главным была *монополия партии* на власть, на собственность, на управление, на всю политику, культуру, даже на правила повседневной жизни людей, их личные взаимоотношения.

Что загвоздка всему его делу будет в партии, Горбачев начал ощущать довольно рано. Инициированный им знаменитый январский пленум ЦК 1987 г. по кадрам об этом свидетельствовал. Вместе с тем, при всей остроте постановки на нем вопросов, он остался в истории как попытка уговорить партийцев быть авангардом перестройки. Уговорам они не вняли, так что пленум, по сути, ничего не дал и не изменил. Но тогда еще не касались монополии КПСС на власть. Эта идея возникла через год.

Принципиальное отличие Горбачева от Брежнева состояло как раз в том, что он посягнул на «святая святых» социалистическо-сталинского строя. Однако сделать это, то есть лишить КПСС государственно-властного статуса, надо было раньше. И сделать это круче, через своего рода *coup d'Etat*, а не растягивать еще на два года, когда Верховному Совету наконец «разрешили» отменить шестую статью брежневской Конституции. Сделать тогда, когда авторитет лично Горбачева еще стоял в зените, не говоря уже о неоспоримо мощном авторитете его должности.

Теперь Михаил Сергеевич при каждом удобном случае публично признает, что одним из главных его упущений было запоздание с реформированием партии. Это близко к истине. Только правильнее было бы признать, что дело не в «запоздании», а в том, что своевременно не поставили вопрос о *ликвидации*. Да-да, о ликвидации партии как таковой как узурпатора власти. Это могло бы оказаться спасительным для перестройки.

Кстати, не раз среди своих, да и на Политбюро, Горбачев задавал вопрос о легитимности власти партии. Она ведь действительно захватила власть в октябре 1917 г. В революции это естественно, это отвечает самой природе понятия «революция». Но выборным, то есть легитимным, органом в новой стране были Советы. Под их знаменем и благодаря им революция победила. Однако потом, в 1920-е годы (особенно после Ленина), партия постепенно лишила Советы всякой

реальной власти, превратив их в декорацию. Правила «от имени народа», но не «по поручению народа». Именно из такого понимания — господство меньшинства (коммунисты) над большинством (граждане) — и исходил Горбачев, решив пойти на разрыв связки «партия = государство».

³ Я имею в виду XIV партконференцию и альтернативные выборы на Съезд народных депутатов.

Как бы то ни было, Горбачев, пусть с опозданием, осуществил этот coup d'Etat³. Хорошо это или плохо? Для многих людей, с учетом ставшего неминуемым после такой акции ускоренного разрушения Советского государства, — плохо, даже очень. Но *исторически* это было неизбежно. А История в своем движении к неизвестному будущему (или концу) не оперирует категориями «хорошо» — «плохо». Горбачев был орудием Большой Истории. Таковой оказалась его миссия в этом мире, хотя разрушения Советского Союза, подчеркиваю еще раз, он, конечно, не хотел. Он намеревался его тоже «реформировать», то есть преобразовать в нечто не то же самое, но в общем похожее.

IV

Идеология, необратимо утратившая свой революционный, вдохновляющий и мобилизующий потенциал, окончательно слилась при Брежневе с лживой «пропагандой успехов». Оторванная от реалий внутри и вовне, потерявшая всякую эффективность, она уже не использовалась в практической политике, но нужна была для сохранения имиджа альтернативы «империалистическому Западу». И, конечно, служила демагогическим прикрытием партийно-государственного контроля над духовной жизнью общества.

Она была и причиной, и жертвой безвыходного экономического застоя. В качестве квазирелигии она была мертва. Никто не верил в ее догмы, сверху донизу. Она впервые натолкнулась и на открытую оппозицию, которую нельзя было уже задавить по-сталински. Появились Солженицын, Сахаров, диссидентское движение. Романтическо-идеалистическое, оно начиналось с того, что критиковало и осуждало советскую власть, апеллируя к ее собственным законам и программным установкам, а потом стало открыто антисоветским.

В какой степени и как идеология отражалась в личности обоих наших вождей?

У Брежнева о ней были самые примитивные представления (и самое прагматическое к ней отношение). Он вряд ли знал, что такое марксизм-ленинизм — разве что в пределах «Краткого курса истории ВКП(б)». Не уверен, что он когда-либо читал Маркса, а Ленина — максимум по обязательному списку провинциального технического вуза, где он учился в 1930-х годах.

Еще не поднявшийся на самую вершину власти, он предупреждал Бовина и Арбатова — первых, кто стал писать ему речи: не делайте

из меня теоретика, никто не поверит. Правда, на пике власти он смирился с тем, что его величали «выдающимся марксистом-ленинцем».

Для него было аксиомой, что мы строим социализм. А коммунизм — наше будущее. Всякие этакие изыски вокруг терминов «развитой социализм», «развивающийся социализм», «новое прочтение» Ленина и т.п. вызывали в нем искреннее презрение.

Он держал «фельдфебеля в Вольтерах» для общественных наук и всяких теоретиков. В этой должности служил Трапезников, которого Брежнев вывез из Молдавии, где тот сочинял для него — тогда первого секретаря молдавского ЦК — речи. Ненавидимый всей интеллигенцией слева направо, отъявленный сталинист и антисемит, грубый и подлый, он попортил жизнь немалому количеству талантливых людей. Поставленный в ЦК заведующим Отделом науки, пребывал на этом посту до самой перестройки. Его не любил даже Сулов, ортодокс и догматик, главный хранитель чистоты марксистско-ленинской теории, которого Бовин ернически называл «директором идеологического банно-прачечного треста». Но и он не смог выбить из кресла этого уродца (также и в прямом смысле — видимо, после полиомиелита). Трапезников безраздельно определял основные кадровые назначения в научных институтах и вузах, вмешивался во все гуманитарные сферы.

Генсек не мог этого не знать, но «не замечал». Иногда, впрочем, вносил коррективы — главным образом под давлением приближенных интеллигентов. Велел, например, Гришину, первому секретарю Московского горкома КПСС, прогнать Ягодкина. Тот был секретарем парткома МГУ и вызывал всеобщий стон среди преподавателей и студентов гонениями на каждую оригинальную мысль, взыскивал за любое отклонение от догматических формул и клише.

Или такой эпизод. Обсуждаем раздел для доклада Брежнева, где идет речь о работе с интеллигенцией. «Я вот вспоминаю такой случай, — говорит вдруг Л.И. — Приносит мне Самотейкин (*его референт*) письмо. От Любимова (*режиссера театра на Таганке*). Тот пишет, что горком его хочет исключить из партии. Что-то он там поставил, что им (!) не понравилось. Звоню Гришину, говорю: „Отмени решение, если уже принял. Так нельзя с интеллигенцией работать“. Тот отменил, вроде встретился с Любимовым. И смотрите: через несколько месяцев он поставил такую пьесу... как она, ну как называется? (*Все подсказывают: „А зори здесь тихие“*.) Вот, вот. Ни один человек без слез не уходит из театра. (*И сам прослезился, проглотил комок.*) Вот как надо работать!»

Брежнев заменил погибшую Фурцеву Демичевым в качестве министра культуры. Если Трапезников был «фельдфебелем в Вольтерах» для интеллигенции, то этот вроде как «прапорщиком», с которым тот должен был считаться: Демичев хотя и перестал быть секретарем ЦК, но оставался кандидатом в члены Политбюро. В Завидово среди «своих», но и в присутствии всех, в том числе obsługi и врачебного персонала, Брежнев издевательски высмеивал Демичева, называл его

«невеждой и бездарью». Однако однажды вскользь «пропустил»: пусть, мол, пока живет, тем более что его даже на пищевую промышленность не поставишь, он и там ничего не понимает, хотя и химик (по образованию). И добавил: «Сначала надо людей как следует накормить... а потом уже все такое».

Было у него «чутье» и на идеологическую тарабарщину, которой были заполнены наши средства массовой информации. Это — от здравого смысла, который ему был присущ в большой степени.

Когда мы, спичрайтеры, собравшись опять в Завидово, спросили его о докладе Сулова на одном недавнем торжественном мероприятии, Брежнев сказал: «Скучно до невероятия, весь зал, должно быть, засыпал... Так сваи бабой в фундамент забивают. Вот так и здесь: ни одного живого слова, ни одной мысли. Тысячу раз слышанное и писанное». Брежнев, похоже, понимал, что отказ от «холодной войны» и действительно коренной перелом в мировой обстановке не может не иметь глубоких социально-психологических, а значит, и идеологических последствий, что догмы, унаследованные от «Краткого курса», не могут бесконечно оставаться мировоззрением думающей части общества. Однако...

Сулов — беспрекословный «идеолог партии». Брежнев возлюбил его после знаменитого пленума ЦК 1972 г., когда тот неожиданно вознес Генсека и выдвинул формулу: «Вперед к коммунизму под руководством Ленинской партии и лично товарища Брежнева Леонида Ильича». Называл его «Мишей», хотя не переставал, бывало, посмеиваться: «пьет кефирчик» и не переносит водку.

Сохранял на идеологии Сулова, этого марксистского Савонаролу, по тем же причинам, что Трапезникова и Демичева, — он нужен был, чтобы «держат» партию. Однако, добавлю, не только по идеологическим соображениям, но и из благодарности за личную преданность, что тоже показательно для характеристики отношения Брежнева к самой идеологии как «профессии».

Впрочем, там, где она напрямую выходила на политику, он был бдителен. В связи с обсуждением в Завидово какого-то текста Брежнев вдруг вспылил: «Мы Шелеста сняли, Мжаванадзе (*первого секретаря ЦК Компартии Грузии*) сняли, а до этого еще — Ахундова (*первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана*), Кочиняна (*первого секретаря ЦК Компартии Армении*) сняли. Это, между прочим, и идеологические дела тоже, а не просто за то, что завалили работу». Имел в виду их националистические наклонности — личные и в порученных им «хозяйствах».

По уровню образованности и общей культуры Брежнев был весьма заурядный человек. Книг не читал. Единственный журнал, какой он брал в руки, — это «Советский спорт». Очень любил смотреть футбол, хотя сам к спорту вряд ли когда имел прямое отношение.

Однажды, опять же в Завидово, Николай Шишлин, один из спичрайтеров, талантливый и образованнейший человек (он нам там

наизусть читал «Спекторского» Пастернака и его гениальные стихи из «Живаго»), уговорил Генерального посмотреть только что вышедший фильм Тарковского «Андрей Рублев». В фильме, мол, раскрыта тайна отношений власти и творческого начала нации. Вечером сели в столовой, где нам временами показывали кино. Через 15 минут Леонид Ильич встал и пошел к выходу, бросил, махнув рукой: «Это все ваши интеллигентские штучки».

Что до Горбачева, то он не жаловал самого слова «идеология». Но был не из тех, кого Ленин упрекал в «нелюбви к теории». Напротив, у него с университета сложился вкус к обобщениям. И когда он захотел определить концепцию перестройки, то сначала употреблял понятие «теория». Ему подсказывали: мол, называйте свой поиск «развитием марксизма-ленинизма» на новом этапе. Он отпирался. И остановился на термине «философия». Философия перестройки...

Должен сразу оговорить: Горбачев — враг схемы. Он считал, что беда советской истории состояла в том, что стране навязали «схему» развития, причем насильно. Особенно это относится к сталинскому периоду.

Любил повторять ленинские слова: теория — это обобщение «творчества масс». К нему вполне применима формула, отнесенная к другому великому историческому деятелю: «Творец событий и в то же время влекомый ими»⁴.

⁴ Струве П. Б. 1997. *Patriotica*. — М. С. 62.

Это, однако, не значит, что у него не было концепции перестройки как проекта — что делать, чтобы страна двинулась вперед и чтобы освободить ее от тоталитарных пут. Концепция эта соприкасалась и переплеталась с философией перестройки страны и международных отношений, но не совпадала с ней.

Философия же складывалась постепенно и оформилась окончательно уже после его ухода из Кремля, в Фонде его имени. Но довольно рано, начиная с его первой книги о перестройке, она получила наименование «новое мышление».

Я довольно много написал об этом. И воспроизводить не считаю необходимым, как и разбираться в том, что о «новом мышлении» написано у нас и на Западе. Не все в его составе Горбачев придумал сам. Заимствовал у великих из прошлого, давнего и близкого. Заслуга его в том, что их идеи и постулаты он попытался перенести в реальную политику сверхдержавы, от поведения которой в условиях холодной войны зависело само существование цивилизации.

Тезисно, просто как напоминание, перечислю ключевые составляющие «нового мышления»:

- взаимосвязанность и взаимозависимость частей, образующих мировое сообщество;
- приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными и прочими;
- отказ от насильственных методов в политике;

- соединение политики с моралью;
- разоружение как материализация названных принципов, как форма реализации всеобщей взаимозависимости;
- экология выдвигается на первый план в мировых делах и требует всеобщего внимания и совместных усилий;
- каждая нация полноправна в обустройстве своей социальной жизни, вне зависимости от того межгосударственного расклада, который образовался в результате Великой войны;
- трансграничное вмешательство во внутренние дела допустимо в случае геноцида или такого ожесточения внутреннего конфликта, который грозит самоубийством страны;
- столкновение цивилизаций можно предотвратить;
- конвергенция разных социальных систем допустима и желательна, дихотомия капитализм—социализм устарела;
- тоталитаризм — явление историческое и преодолимое в XXI в.

Приступая к преобразованиям, Горбачев не сомневался в том, что социализм имеет право на существование и может быть исправлен и улучшен. Начинал, как и «шестидесятники», с идеи возврата к ленинским нормам и принципам, увлекся изучением последних ленинских работ, написанных им после признания, что «пошли не тем путем». Апеллировал к НЭПу. Но ход перестройки заставил искать что-то иное. Тем не менее вера в «социалистический выбор», сделанный якобы нашим народом, сохранилась у Горбачева до сих пор.

Меня это всегда удивляло. Он ведь знал историю не только по «Краткому курсу». А в ней, реальной истории, сначала была революция, усилиями большевиков превратившаяся во всеразрушающую стихию, которую им самим едва удалось унять и жесточайшими мерами сохранить страну как таковую. Потом предложен был НЭП, который народ принял. Но НЭП был сменен «выбором», который навязал Сталин с помощью коллективизации, ГУЛАГа и большого террора. А когда «социализм был в основном построен» (Сталин объявил об этом в 1938 г.), ситуация стала необратимой. Победа в Войне зацементировала «сталинский выбор» еще на 40 лет.

Все перипетии, противоречия и драмы перестройки, даже ее кризис не отвратили Горбачева от «социалистического выбора» (как он его себе представлял в духе идеализированного марксизма). При принятии всех главных политических и экономических решений он оглядывался на него, полагая, что с этим согласно большинство населения. И добился того, что в глазах публики, которая потом равнодушно взирала на разрушение государства, Горбачев и «социалистический выбор» стали «близнецами-братьями» (если по Маяковскому).

Приверженность идее социалистического выбора, убежден, негативно влияла на ход перестройки, мешала ей, тормозила свободу поиска ответов и решений в реальной действительности.

В преддверии XXVIII съезда (1990 г.), когда КПСС уже основательно вползла во внутривнутрипартийный кризис и Политбюро не раз обсуждало вопрос, не исключать ли уклонистов и диссидентов из ее рядов, возникла идея смены идеологической парадигмы унаследованной от большевизма партии. Пригласили теоретиков, которые должны были создать проект программы, призванной придать КПСС почти социал-демократический облик.

Инициатива принадлежала, понятно, Горбачеву — как производное от его приверженности «социалистическому выбору». На съезде он был переизбран в Генсеки (правда, с большим числом проголосовавших против).

Новую программу прочили принять на внеочередном съезде КПСС в конце 1991 г. Но... помешал путч.

Мне эта инициатива всегда казалась нереалистической в стратегическом плане и непродуктивной — в тактическом.

У России не было и нет ни конкретно-исторических (опыта), ни социальных и экономических, ни институционально-политических (традиции), ни психологическо-ментальных предпосылок для восприятия социал-демократического образа жизни. Нельзя не упомянуть также пропагандистско-школьное поношение социал-демократии — на протяжении всей советской эпохи! — как чего-то чуждого, как врага. Так просто, как и ностальгия по советским временам, это не вытравляется даже через поколения.

Прошедшая с тех пор четверть века знала неоднократные попытки (в том числе со стороны Горбачева уже вне власти и даже со стороны многолетнего председателя нашего Сената и кандидата в президенты-12) вдохнуть жизнь в социал-демократическую идею и даже создать подобную жизнеспособным на Западе российскую социал-демократическую партию. Все эти попытки кончались провалом.

Думаю, что в Россию демократия придет (если вообще придет-таки!) каким-то другим путем.

В отличие от Брежнева, Горбачев был «человеком культуры». Это сыграло коварную роль и в его собственной судьбе, и в судьбе его политики. Колебания и сомнения — типично интеллигентская черта — вмешивались в проявления воли и решительности. Не в пример Ленину, который беспощадно отмежевался от интеллигенции и интеллигентности.

Горбачев не только сам читал служебные бумаги, шифровки по слов, разведчиков и контрразведчиков, за день пролистывал, бывало, сотни листов ТАСС, но читал и книги. Раиса Максимовна «принуждала», не взирая на его усталость от всего прочего. Прочел даже «Красное колесо». Особенно его поразила глава «Ленин в Цюрихе». Ходил передо мной по кабинету, никак не желая примириться с тем, что изобразил Солженицын.

Любил театр. И воспринимал его очень живо, я бы сказал, актуально. Помню его впечатление от пьесы Шатрова «Дальше, дальше... дальше!» «у Вахтангова». И особенно от «Мартовских Ид» Торнтон Уайльдера (в том же театре). Вслух размышлял, экстраполируя пьесу на свою собственную судьбу, на перестройку.

Любил классическую музыку, ходил в консерваторию. Под конец увлекся Густавом Малером, в симфониях которого услышал что-то свое.

Словом, без культуры в Генсеке ЦК КПСС не было бы никакой перестройки.

Недаром же, когда однажды журналисты попросили его одним словом определить, что погубило советско-сталинский режим, он с ходу ответил: «Культура!».

Заключение

Итоги Брежнева. Примерно с 1976—1977 гг. Брежнев стал стремительно дряхлеть — и физически, и психо-ментально. Он уже не понимал, что читает с трибуны. Однажды, выступая в Баку при торжественном вручении знамени республике, перепутал тексты и начал зачитывать то, что приготовлено было для сугубо закрытого партийного совещания. Александрову (помощнику) с трудом удалось буквально сорвать с трибуны из-под рук оратора «не тот текст».

Косноязычие и немощь превращали его в посмешище. Но не давали уйти гомерическая лесть, лишавшая его способности к самооценке, гонор, умственное старение и «окружение»: тем, кто был рядом на самой верхотуре, невыгодно было его терять, он обеспечивал самим своим присутствием сложившийся и нужный им расклад сил во властных структурах и персонах.

Брежнев то ли подозревал, но делал вид, что не замечает, то ли не видел, а может, в душе и соглашался с тем, что им стали манипулировать. Прежде всего трица: Громыко, Андропов, Устинов. Один (Громыко) давил раскрученной у нас и вовне «абсолютной компетентностью» в международных делах. Другой (Андропов) — льстивой преданностью, тем, что знал все и обо всех, и, конечно, демонстрацией успешного подавления крамолы. Дела Солженицына, Сахарова и помельче, а также массовый исход из СССР евреев — это его работа. Третий (Устинов) — запугиванием американской военной угрозой. Остальные поддакивали этим главным.

Кончилось это манипулирование Афганистаном.

Уход Брежнева был жалким, всеми ожидаемым и уже не оплакиваемым никем.

Оставил он после себя дряхлеющую, как и он сам под конец жизни, державу с грозным пока фасадом, но гниющей и распадающейся начинкой по всем параметрам, кроме военной мощи.

Итоги Горбачева. Горбачев вырвал страну из безвременья, которое, кстати, на Руси приравнялось к «великому стыду и сраму», то есть несчастью нравственному. Он включил движение Времени.

Последствия его деятельности:

- лишение партии государственного статуса, вынужденное из общества тоталитарный стержень;
- новое отношение к армии и вообще ВПК, лишившее их роли инструмента великодержавия и экспансионизма;
- гласность, которая снимала сакральность с такого атрибута тоталитаризма, как вождизм, унаследованный от векового царистского инстинкта, усиливала в людях ответственность за свои слова, а позже и за поведение в обществе. Но главная ее функция — обратная связь власти с населением, которое постепенно могло бы консолидироваться в нацию иного рода, уже постсоветскую;
- прекращение политических репрессий и ликвидация ГУЛага как государственного института. Это устраняло страх — непреходящий атрибут господства и управления в тоталитарном обществе;
- прекращение международной конфронтации, что не только снимало угрозу мировой ядерной войны, но и убирало из общественного сознания и политики «образ врага» — непреложный и существенный элемент советского хвастливого патриотизма;
- демонтаж централизованного экономического планирования и управления. Это подрывало один из главных тоталитаристских принципов — патернализм, порядок, когда государство — работодатель, а трудящиеся, то есть народ, у него «по найму»;
- признание на деле национальных прав, лишившее интернационализм статуса безальтернативности для межнациональной общности;
- открытость внешнему миру, показавшая советским людям, что мы не лучше других, а даже хуже очень многих по своей способности обулаивать достойную человека жизнь;
- права человека, которые стали восприниматься не как удовлетворение жалоб и каких-то конкретных жизненных потребностей, а как некий универсальный «Habeas Corpus Act», позволяющий человеку чувствовать себя защищенным от произвола власти, считать себя суверенным и держаться соответственно.

Вот по каким рельсам, описанным здесь мною не обязательно в порядке значимости, спускалось советское общество из царства самодержавия и тоталитарности в свободные воды мирового человеческого океана в поисках того, что называлось демократией, а на самом деле было чем-то совсем неведомым.

Хорошо это или плохо — вопрос некорректный. Во всяком случае, для историка. История, пока еще признаваемому в ней смыслу, предназначена для высвобождения в человеке человеческого, заложенного в нем природой и Богом. Такой истории и служил Горбачев.

Горбачев считал, что к концу XX столетия человечество повзрело, накопило порядочный опыт и обладает уже необходимыми интеллектуальными и материальными ресурсами, чтобы изменить характер глобального развития, сделать его более гуманным.

В одной из бесед его с Гельмутом Колем канцлер будто в шутку сказал: «Мы с тобой, Михаил, успели ухватить историю за хвост!». Конкретно это касалось объединения Германии. Но Горбачев надеялся, что «ухватили историю за хвост» затем, чтобы подтолкнуть ее еще дальше в том направлении, на котором удалось остановить холодную войну, конфронтацию двух систем, и что можно будет регулировать мировой процесс, координируя разные интересы, средства и цели политики, проявляя доверие друг к другу и готовность к компромиссам.

При Брежневе сигналы, взывавшие к тому, чтобы дать ход именно этому направлению, появлялись. И Брежнев на них реагировал. Так что стране повезло, что в очень опасный для человеческого сообщества период одну из сверхдержав возглавлял такой человек, как Леонид Ильич Брежнев. Любой другой из его когорты мог бы стоить всем нам катастрофы.

Время Брежнева люди, по-видимому, будут связывать со всем тем хорошим, что было тогда в их личной жизни. Таков закон ностальгии.

Горбачев останется в идеях и начинаниях, которые еще очень понадобятся стране и миру.

Горбачев расшевелил заснувшую в гнетущей спячке нацию. Заставил ее встряхнуться, вспомнить, что с ней случилось в том веке, посмотреть правде в глаза. Задуматься над тем, что так больше нельзя, стыдно и надо с этим «социализмом» и непомерной «империей» что-то делать.

Он предложил свой проект — перестройку. Ее было подхватили, но не поняли и отвернулись, побоявшись рисковать — в который раз! В проекте, при всех возможных оговорках, был шанс на переход к нормальному цивилизованному развитию в по-новому меняющемся во круг мире.

Никто не предложил стране ничего другого, достойного исторического вызова, кроме, как оказалось, шоковой терапии со всеми последствиями, далеко протянувшимися в XXI столетие.

Шанс был упущен. И, может, навсегда.

Главные же последствия деятельности Горбачева можно свести к двум пунктам:

- прекращение холодной войны, устранение угрозы мирового ядерного конфликта и возникновение новой парадигмы международных отношений;
- исчезновение СССР и появление на его месте 15 независимых государств.

О том, неизбежно ли это было, «хорошо или плохо», мы уже рассуждали. Но окончательный вердикт вынесут поколения в конце XXI в.,

когда, видимо, образуется «новое человечество» и то, что происходило до него, будет им восприниматься примерно так, как мы воспринимаем, например, античность.

Благодарности не будет. Внешний мир уже поблагодарил Горбачева, в том числе и Нобелевской премией. Россия же умеет лишь ругать своих прежних правителей, считая, что благодарить-то особенно и не за что: даже когда хотели ей «как лучше — получалось, как всегда».

Последние слова — в оправдание названия этого моего очерка.

Почему «двойной портрет», а не тройной или даже пятеричный?

Хрущев — это переход к послевоенному периоду. Собственно послевоенный период начался при Брежневе. Он и Горбачев (Андропов и Черненко — случайные мгновенья в истории) обозначили финал российской державы, основанной Петром Великим. Брежнев правил «без намерений», лишь бы сохранить власть и режим. Но подготовил его неизбежную самоликвидацию. Горбачев правил «с намерением», с целью. И осуществил поворот — последнюю революцию в России⁵, открывшую дорогу в неопределенное будущее... Если оно вообще изначально предназначено было для России. Оно либо состоится в XXI в., либо не состоится никогда.

⁵ Если, конечно, понимать революционность не в полицейском смысле, а как выражение назревшей исторической потребности.

27 марта 2012 г.